

УДК 94 (571.1): 332.021.8

Д.Н. Белянин

**«НЕПРИЧИСЛЕННЫЕ» ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В 1906–1914 гг.**

Рассматривается проблема непричисленных переселенцев в Западной Сибири 1906–1914 годов. Автор использует новый подход к проблеме непричисленных переселенцев в период столыпинской аграрной реформы. На основе архивных источников, впервые введенных в научный оборот, уточняется численность непричисленных переселенцев.

Ключевые слова: непричисленные переселенцы, столыпинская переселенческая политика, Западная Сибирь.

В отечественной исторической науке результаты столыпинской переселенческой политики не получили однозначной оценки. Эта проблема до сих пор носит дискуссионный характер, несмотря на большое количество фундаментальных работ, в которых она изучалась.

Для историографии советского периода было характерным утверждение о крахе столыпинской переселенческой политики. Одним из главных аргументов, доказывающих провал столыпинской переселенческой политики, по мнению многих исследователей, было наличие в Сибири так называемых «непричисленных» переселенцев. В числе первых этот аргумент отметил А.И. Комаров. Он считал итогом деятельности Переселенческого управления образование «бродячей Руси, которая в количестве не одной сотни тысяч душ не пристроилась на участки и не приписалась к старожильческим селениям» [1. С. 138]. В последующий период этот аргумент стал использоваться достаточно широко. Вот типичная оценка, характерная для историков 50-х – конца 80-х гг. XX в.: «По всей Сибири насчитывалось около 700 тысяч непричисленных переселенцев, которые бродили по необъятным просторам Сибири» [2. С. 9–10]. Подобные оценки доминировали и в трудах других историков. Например, А.М. Анфимов отметил, что «до 700 тысяч переселенцев разбрелись по Сибири, пополнив число наемных рабочих» [3. С. 87]. Л.М. Горюшкин в своем фундаментальном труде отнес непричисленных переселенцев к числу сельских пролетариев [4. С. 192]. Таким образом, термин «непричисленный переселенец» стал синонимом слов «бедняк», «бродяга» и «нищий».

Сначала следует внести ясность в определение «непричисленный переселенец». Такими стали называть тех, кто не смог официально зачислить за собой земли на переселенческом участке или с соблюдением всех норм водвориться в старожильческом селении. В официальных документах их

иногда называли «неприписанными» и «неустроенными». Эти переселенцы чаще всего ехали в Сибирь без оформления необходимых документов (т.е. самовольно) либо прибывали не в тот район, который был обозначен в документах, и занимались «самоустройством». Часть таких переселенцев устроилась в старожильческих селах в качестве «полетовщиков», часть стала арендаторами, часть занималась самовольными захватами и т.п. В отчете зав. переселенческим делом в Томском районе за 1907 г. Михайлова прямо отмечено, что «самоустройство» без участия властей занимает видное место [5].

По сути, статус «непричисленных» был связан с «припиской» (или «пропиской») к постоянному месту жительства. Отсутствие такой «приписки» исследователи приравнивали к термину «бродяжничество». Насколько такой подход соответствует действительности? Ряд исследователей не приняли во внимание один документ, имеющий принципиальное значение. 5 октября 1906 г. вышел указ, отменивший некоторые ограничения в правах крестьян. Крестьяне получили право свободного передвижения по стране и право самостоятельного выбора места проживания [6. С. 599–604]. Фактически, после опубликования такого указа применение термина «непричисленный переселенец» с формально-юридической точки зрения становится неправомерным, поскольку свобода передвижений как раз и означает отсутствие строго определенной «приписки». Крестьянин получил возможность самостоятельно выбирать, где и как жить: быть «причисленным» в Витебской или Черниговской губернии или «непричисленным» на Алтае.

Необходимо также четко определить, кого следует относить к «непричисленным». Даже обращение к официальным документам начала XX в. не дает ясного ответа на этот вопрос. Например, в 1902–1903 гг. к «непричисленным» относились самовольные переселенцы, являвшиеся арендато-

рами кабинетских земель [7]. Один из чиновников Кабинета в 1910 г. также к числу «непричисленных» отнес арендаторов, проживавших в районе Кузнецкой черни [8]. А вот губернатор Тобольской губернии в циркуляре от 27 октября 1914 г. отметил, что в число «неустроенных» нельзя включать тех, кто «проживает в качестве арендаторов» [9]. Такое расхождение приводит не только к различным оценкам численности «непричисленных», но и не позволяет дать точную характеристику их экономическому положению. Между тем выяснение численности таких переселенцев имеет важное значение. Так, П.А. Столыпин оценил численность «самовольцев» в 1910 г. около 700 тыс. человек [10. С. 6]. Эта цифра историками не подвергалась сомнению. Она фигурировала практически во всех фундаментальных трудах в 1950–1990-х гг. и стала одним из оснований для утверждения о крахе переселенческой политики. Вместе с тем П.А. Столыпин не уточнил, идет ли речь только о «душах мужского пола» или о людях вообще.

Далее, следует отметить, что проблема «непричисленных» существовала в течение как минимум всей второй половины XIX в. Достаточно обратиться к положениям Главного комитета 9 июня 1869 г. и 9 ноября 1876 г., где речь идет о переводе самовольно водворившихся крестьян в Тобольской и Томской губерниях в легальное положение [11]. По оценкам Г.Ф. Чиркина, с конца 50-х до начала 80-х гг. XIX в. самовольное переселение вообще было почти единственной формой русской колонизации. Из переселившихся за Урал в 1881–1889 гг. 65–75% шли самовольно [12. С. 87, 89], а именно из числа таких самовольных в значительной степени и формировалась категория «непричисленных». К 1906 г., по данным Г.П. Жидкова, только на Алтае было около 200 тыс. переселенцев, живших без причисления [13. С. 199].

Можно привести немало примеров, когда крестьянин, живший в Сибири достаточно долгий срок, имел домообзаводство и хозяйство, но не был причислен к селению, в котором фактически проживал. Так, к 1 января 1901 г. в селе Верхне-Шубинском (Бийский уезд) таких домохозяев было четверо [14]. А. Елисеев прибыл в Сибирь в 1892 г., в том же году без согласия общества поселился в деревне Дергоусовой (Томский уезд). К 1911 г. все еще не имел официального причисления, хотя к тому моменту у него в списке имущества значились дом (или изба), 1 лошадь, 2 быка (вола) и 5 дойных коров [15]. Эти данные доказывают, что связывать сам факт наличия «непричисленных» только с неправильной постановкой пе-

реселенческой политики правительством П.А. Столыпина было бы неправильно. Проблема «непричисленных» переселенцев существовала и до столыпинской переселенческой политики, о чем свидетельствуют факты.

Теперь о количестве «непричисленных» в Сибири. В Российском государственном историческом архиве нам удалось обнаружить документы, которые позволяют уточнить число и выяснить основные районы расселения таких «непричисленных». С 1909 г. местные чиновники Переселенческого управления регулярно проводили одновременные переписи всех «непричисленных» в губерниях и областях Азиатской России. Эти данные конкретизируют численность «непричисленных» на середину 1910 г. (таблица).

Таблица

Сведения о численности «непричисленных» переселенцев в Азиатской России на 1 июля 1910 г.*

Переселенческий район	Число «непричисленных» (д.м.п.)
Тобольский	8 000
Томский	224 000
Енисейский	1 000
Иркутский	1 000
Тургайско-Уральский	11 000
Акмолинский	58 000
Семиреченский	37 500
Приморский	1 500
Семипалатинский	менее 1 000
Забайкальский	менее 1 000
Амурский	менее 1 000
Итого	335 000

*Таблица составлена по данным: РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д.3006. Л. 35–35об.

Таким образом, по уточненным данным, в середине 1910 г. в статусе «непричисленных» находилось около 335 тыс. душ мужского пола (д.м.п.). Вместе с тем и эти цифры можно подвергнуть некоторой корректировке. Необходимо принять во внимание, что категория «непричисленных» формировалась не только из самовольных переселенцев, приехавших из европейских губерний, но и из мещан, а также крестьян, приехавших из других сибирских губерний. Возьмем для примера посемейный список «непричисленных», постоянно проживавших в Краснореченском обществе одноименной волости Мариинского уезда Томской губернии. Дата – 30 марта 1911 г. В списке значится 31 крестьянин и 13 мещан. Из указанного списка 3 домохозяина были приписаны в Тобольской губернии, а 9 – в Енисейской. Но самое удивительное то, что в этом списке 7 домохозяев, которые причислены в других волостях и селениях той же Томской губернии! Так, М. Аликин официально был приписан в одном из селений Итатской волос-

ти, В. Базовский – в Томском уезде. Примечательно и то, что некоторые «непричисленные» местом своей официальной приписки называли другие селения этой же самой Краснореченской волости. Например, М. Казанцев был приписан в с. Коробейниково, А. Малых – в с. Зерцальском [16]. Эти данные говорят о том, что внутренние миграции крестьян в Сибири были нередким явлением, и часть значащихся «непричисленными» на самом деле переселенцами как таковыми не являлась. Если не учитывать таких «внутренних мигрантов», переехавших из другого уезда, волости или села, то число «непричисленных» будет заметно меньше.

Обращает на себя внимание, что более $\frac{2}{3}$ таких «непричисленных» проживало в Томском районе и большинство – на Алтае. Есть примеры, когда в селениях «непричисленных» было даже больше, чем других крестьян. Так, в с. Пономаревском (Кузнецкий уезд) «неприписных» крестьян, ведущих хозяйство, было 25 д.м.п., а все население этого села – 38 д.м.п. [17]. А.В. Минжуренко привел пример с. Корниловского (Барнаульский уезд), где проживало 400 человек «неприписных» [18. С. 55]. Для сравнения – в 19 селениях Карпысакской волости Томского уезда на начало 1911 г. числилось лишь 162 д.м.п. «неприписных» [19]. Этому факту есть простое объяснение: алтайские черноземы по своим качествам одни из лучших в Сибири, что неоднократно признавалось многими исследователями. Эти земли были распаханы, не требовали предварительной раскорчевки леса, ежегодного применения удобрений и т.п. Для крестьянина желание устроиться на лучших землях было вполне естественным. Но именно это и стало главным фактором образования столь значительной категории «непричисленных». Привлекательность алтайских земель приводила к тому, что крестьяне часто самовольно и за свой счет приезжали в Алтайский округ и пополняли армию «непричисленных». И это несмотря на то, что правительственные структуры часто отмечали факт отсутствия на Алтае свободных душевых долей в различных изданиях. Например, в «Сведениях», еженедельно предоставлявшихся в Челябинск местными чиновниками, отмечалось, что на 2 сентября 1907 г. все переселенческие участки Барнаульского и Кузнецкого уездов заняты и ожидающих новые участки очень много [20]. Но, несмотря на это, ежегодно именно на Алтай ехали десятки тысяч «самовольных» переселенцев. Больше того, часть крестьян, имевших первоначальное намерение ехать в Восточную Сибирь или на Дальний Восток, под влиянием слухов о «благо-

датных алтайских землях» высаживалась в Томской губернии и пополняла ряды тех самых «непричисленных». Например, зав. Томским переселенческим районом в отчете за 1907 г. отметил, что в Томскую губернию прибыло много переселенцев, первоначально следовавших в Енисейский или Акмолинский районы, а также на Дальний Восток. Причем часть направлявшихся на Дальний Восток изначально «в действительности никакого намерения ехать туда не имела». Такие переселенцы воспользовались правом проезда по льготному тарифу и остановились в пределах Томской губернии, не имея за собой предварительного зачисления земель. Численность всех таких переселенцев, по мнению Михайлова, должна была только в 1907 г. исчисляться «в десятках тысяч душ» [21]. В 1908 г. на Обском переселенческом пункте было подано 2754 заявления о прекращении пути (из них 1290 от переселенцев, ехавших на Дальний Восток) [22]. Все эти переселенцы предпочли остаться в Томской губернии. Тенденцию массового наплыва «самовольных» переселенцев в определенные районы отмечали многие современники. Так, по данным Н.П. Огановского, за 1896–1909 гг. в Томскую губернию пришло 529,2 тыс., а в Акмолинскую область – 280,2 тыс., что составило 67,3% всех «самовольцев» за это время [23. С. 126]. Показательно, что подобные факты остановки именно в Томской губернии по пути на Дальний Восток имели место и задолго до столыпинской аграрной реформы. Так, Н.М. Ядринцев привел пример, как шедшие на Амур переселенцы, не дойдя до места, также рассыпались по Сибири. А в 1875 г. на юге Томской губернии оказалось множество лиц, водворившихся здесь, но не зачисленных в официальных документах (т.е. фактически официально «непричисленных»). Их было 1345 семей, в числе которых были и шедшие ранее на Амур [24. С. 203].

Другим регионом концентрации «непричисленных» стали переселенческие районы Степного края, где также можно отметить высокое качество почв и более мягкий, чем в северных районах, климат. В Семиреченском, Тургайско-Уральском и Акмолинском районах осело 106500 д.м.п. «неустроенных» переселенцев (таблица). Участки в этих районах были особенно привлекательны для выходцев из южных и степных губерний Европейской России. Таким образом, неравномерность расселения «неустроенных» переселенцев, их концентрация в определенных районах явно свидетельствуют нам о самостоятельном выборе крестьянами мест своего устройства. Эти факты позволяют утверждать, что именно стремление са-

мих крестьян устроиться на лучших землях и в определенных районах стало главной причиной формирования категории «непричисленных» переселенцев. Таким образом, можно сделать следующие выводы: во-первых, непричисленный переселенец – не бродяга, а человек, не оформивший отношения с крестьянским обществом на новом месте проживания; во-вторых, количество непричисленных не является аргументом в оценке эффективности реформы П.А. Столыпина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комаров А.И.* Правда о переселенческом деле. СПб., 1913. 139 с.
2. *Алферов М.С.* Крестьянство в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1958. 68 с.
3. *Анфимов А.М.* Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной политики) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1996. С. 60–95.
4. *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. 343 с.
5. *Государственный архив Томской области (ГАТО).* Ф. 39. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.
6. *Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 года).* СПб., 1909. 698 с.
7. *Российский государственный исторический архив (РГИА).* Ф. 1282. Оп. 3. Д. 552. Л. 90.
8. *РГИА.* Ф. 468. Оп. 44. Д. 738. Л. 6–60б.
9. *Государственный архив Омской области (ГАОО).* Ф. 47. Оп. 1. Д. 9. Л. 107–107об.
10. *Столыпин П.А., Кривошеин А.В.* Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб., 1911. 170 с.
11. *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).* Собрание 2. Т. LI. Отделение 2. СПб., 1878. №. 56571; Собрание 3. Т. I. СПб., 1885. №. 581.
12. *Чиркин Г.Ф.* Очерк колонизации Сибири второй половины XIX века и начала XX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922. С. 83–136.
13. *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение (1747–1917). Новосибирск, 1973. 264 с.
14. *Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК).* Ф. Д-183. Оп. 1. Д. 6. Л. 155.
15. *ГАТО.* Ф. 239. Оп. 16. Д. 211. Л. 47, 49об–50.
16. *ГАТО.* Ф. 504. Оп. 1. Д. 1. Л. 36–38об.
17. *Государственный архив Кемеровской области (ГАКО).* Ф. Д-9. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 27.
18. *Минжуренко А.В.* Непричисленные переселенцы Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. Томск, 1978. С. 40–70.
19. *ГАТО.* Ф. 239. Оп. 16. Д. 211. Л. 45–84.
20. *ГАТО.* Ф. 239. Оп. 1. Д. 16. Л. 221–221об.
21. *ГАТО.* Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–1об.
22. *РГИА.* Ф. 391. Оп. 3. Д. 759. Л. 55–55об.
23. *Огановский Н.П.* Закономерность аграрной эволюции. Т. III: Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. I: Население. Переселенческий вопрос. Саратов, 1914. 335 с.
24. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб., 1892. 720 с.